

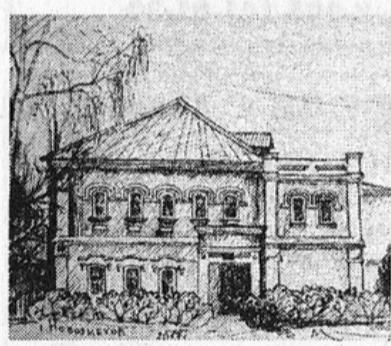
Творческое объединение «ЗЫБЧАНЕ» представляет ЛИТЕРАТУРНУЮ СТРАНИЦУ

Маргарита
БАЛЬЗАРАЙЕНЕ

Шароновой В.А.
Канун Крещенья. Новозыбков.
Зимний вечер
Две тыщи
восемнадцатого года.
На «Русский крест»,
как в старину на вече,
Собрал народ ДК станкозавода.
Пугала мраком тьма.
Дрожали тени света,
Упрямо вглубь веков
влекла строка поэта.
Терялся предков след,
внезапно обрываясь,
И цепенели души,
слезами обливаясь.
Короткий вздох,
почти неуловимый взгляд,
Беззвучный шёпот
мысли невесомой...
Зал, словно по команде,
молчанием объят,
Мир куполом застыл –
в нём властвовало слово.
И было очевидно,
как он жесток и хлесток.
Пророческим казался правдивый
долгий сказ:
В одном ряду старик
и девочка-подросток
Шептали изумлённо:
«Да это же про нас...»
Над бездною веков,
как зарево рассвета,
Живая память вечна –
в ней благость воскрешенья
Набатом неустанно
звукут стихи поэта,
Даря бескорыстно
надежду на спасенье.

Людмила
СТАРОДУБЕЦ

МЫ РИСУЕМ СОЛНЦЕ
Мы рисуем солнце дома:
Я, сестра и братик Тёма.
Нарисуем целых три,
А не веришь – посмотри!
С нами будешь рисовать –
С солнышком весну встречать.

Художник Мария КРАВЧЕНКО.
«ДОМ В НОВОЗЫБКОВЕ»

Ольга
БУЛНОВА

МАРТ
Я помню март давно минувший,
Он трудный был в моей судьбе,
Я вижу образ матери,
навек уснувшей,
Напоминающий
так часто о себе.
Я шла на кладбище
с покинвшей головой,
А боль в душе
рвала меня на части,
И с той поры потерян был покой,
А скорбный март
был десять лет у власти.
Мне женский день
не хочется встречать.
Я об утрате лишь жалею,
Мне говорят:
– Похожа ты на мать!
Я отвечаю:
– В марте я старею!

Павел ТИХОМИРОВ

РЕЛЯТИВИСТ

Виталик очень гордился своими талантами логика. Он упивался победами в спорах. Товарищи нередко намекали ему на то, что время, проводимое в интернет-баталиях в различных соцсетях, можно было бы потратить на что-нибудь более полезное. Однако, у Виталика на этот случай был готов ответ:

– Я изучаю конфликтологию.

Сейчас Виталик путешествовал в пригородной электричке и пребывал в состоянии, весьма далёком от блажодушия.

И вот на соседнюю лавку восседает юное создание в чёрной майке, фабричным способом обезображенной всячими каббалистическими знаками и богохульствами на зарубежных языках. Выдавив прыщ на челе, существо начало вещать по поводу того, что вокруг – плохо, но это тоже хорошо, потому что зло – это класс! И так далее. И вообще – «хорошими делами прославиться нельзя», так что «спешите делать добро». В смысле – гадости. Оказалось, что пилигрим сей является поклонником Люцифера и позиционирует себя в качестве релятивиста.

– Это что же, ты считаешь, что всё – относительно?

– Да, всё. Все мы разные. Каждый, по-своему, прав. «У чёрных есть чувство ритма. У белых – чувство вины».

«Ах, ты ещё и эрудит!», сердито подумал Виталик, глядя на самодовольное лицо «релятивиста».

– Нет, выходит, ни добра, ни зла?

– Это стереотипы поведения, навязанные идеологами господствующих мировоззрений.

– А ощущения? Есть же боль? И наоборот?

– Раздражители, которые провоцируют стереотипные реакции на рефлекторном уровне. Можно и перевоспитать свою животную составляющую.

– Перевоспитать. – Не без злорадства повторил Виталик, осознавший, что лёгкой победы в этом споре ему не видать. И это тоже добавило раздражительности.

«Ну, погоди же! Я сниму тебе рашпилем грим», – подумал наш логик, а вслух сказал следующее:

– Значит, рефлексы свои перевоспитываешь?

Татьяна
САВЕЛЬЕВА

Замрёт перед прыжком душа
И... пишет кистью, чуть дыша
От ей порученного дела.
То дерзко пишет, то несмело...
И солнце пишет, и ненастье...
Но пишет. Пишет!
Это счастье.

Станислава
БАУЛИНА

Отвергнут был,
потом он был забыт,
В дуэльной схватке
не Дантесям был убит.
Его ослепшая гордыня погубила,
О рифы плот надежд его разбила.
Теперь в лохмотьях,
ниций и забытый
Бредёт слезами, как водою,
он умытый,
И подают ему бродяги медяки,
Чтоб не поник совсем
от горя и тоски.
И поделом тебе,
напыщенный гордец...
Где было «скоро»
там уже «конец»,
Где было «впереди» –
теперь «финал»,
А всё лишь потому,
что людям много врал.

«ПОДСНЕЖНИКИ». Фотоэзюнд
Леонида ГОРБАЧЁВА.

Евгений
БАУЛИН

ОДНА
Одна, совсем одна,
Былинка словно в поле,
И подло светит так луна,
Не пожелаешь такой доли.
И от тоски так хочется завыть,
А слёзы льются градом,
И душу некому излить,
Да хоть бы кто был рядом.
Я с ним, да хоть на край земли,
Его любила б и жалела,
Да разошлись, видать, пути,
Судьба, наверно, так хотела.
И как же мне смириться,
С кем разделить очаг и кров,
А всё ж мечта ещё таится,
Как грёзы вещих снов.
Одна, совсем одна,
Цыганка в детстве нагадала.
Такая доля мне дана.
Видать, не всё я исстрадала.

«Релятивист» ничего не ответил, но Виталика было уже не остановить:

– Значит, каждый, по-своему, прав?

– Каждый, по-своему, прав. Каждый снаружи видит только то, что у него есть внутри.

– И боль, и радость
– это по сути одно и то же?

– Я уже отвечал. Это не одно и то же. Раздражения, которые приводят к определённым состояниям, которые люди классифицируют неким образом. За то, к чему нужно стремиться. За то, к чему нужно привыкать, чтобы не быть отторгнутым иерархией Силы.

– По ходу, привыкаешь ко злу?

– Всё относительно. Я лишь привыкаю ко вполне определённым психосостояниям, которые в вашей системе воспринимаются как зло.

– Значит, ко злу привыкаешь?

– Привыкаю.

– Значит, ко злу тебе не привыкать?
Кажется, «релятивист» почувствовал неладное.

Виталик встал и взял «мага» за рукав.

– Ладно. Хватит. Пошли.

– Куда это?

– Спаси – как не бывало.

– Как куда? В «комнату, лишённую зеркал». Ну, давай, шевелись.

– Ты чё, «быкуешь»? – Откровенно занервничал «релятивист».

– Ну, раз ты зло любишь, проверим: как ты уже к боли привык. Да и нет никакого зла. Всё же относительно!

До «релятивиста», похоже, окончательно дошло: «теоретическая» часть закончилась и начинается собственно то, что можно было бы назвать «исповедничеством». Поскольку же «релятивист» был ещё далёк от чистого им идеала равнодалёности «от привязок», то он счёл разумным просто вырваться из лап инквизитора и был таков.

Настроение у Виталика заметно улучшилось.

Как оказалось, опровергнуть «релятивистов» не так уж сложно.

Галина
ОРЕХОВА

Грешить неискренней строкой
Мне никогда не приходилось.
Как и с протянутой рукой
Стоять, выпрашивая милость.

Любовь
ФЁДОРОВА

ОБЕДЕННЫЙ ПЕРЕРЫВ
Смотрю я сквозь решётки вдаль,

Как пленница томлюсь.

Крик чаек, как сама печаль

Усиливает грусть.

О милые чайки! Возьмите с собой.

Не место мне здесь у окна

Стоять, смотреть на мир с тоской,

В котором совсем одна.

Стою у решётки и жду я ответ,

С мольбою на небо глядя.

Вдруг одна чайка крикнула:

«Нет!»

С собою других уводя.

Но почему же? Неужто не жаль

Так жить – нету сил моих.

«Возьмите с собою хотя бы

печаль,

Унесите на крыльях своих.

Стою у решётки, со мною печаль.

Жду жизнь... Это вешиные воды.

А стоит ли ждать отсюда

мораль?

Не ждите у моря погоды.

Ирина
СТАНИСЛАВЕНКО

Война была давно,
Но новым поколеньям
Нельзя забыть о подвиге дедов,
О горе их, об их победах,
И мужестве в сражениях с врагом.
Не смейте осквернять
их обелиски
И памятники
с множеством имён,
Ведь это всё
нам может отразиться
Ещё одной войной, ещё одной!
Как только в памяти все стёрты
Их имена, их ордена,
Есть риск для всех,
что очертвеет сердце,
И будет новая война!

Надежда
ЩИПАКИНА

ХОЛОДНАЯ ВЕСНА

Холодное цветение садов
не веселит,
Когда, листвой окутываясь тонко,
Робеет май, не понимая толком.

На что так ветер северный сердит.

А синева в полдневный даже час

Сквозит,

почти не тронутая солнцем.

Так свет нежаркий
равнодушно льётся

Из навсегда любви лишённых

глаз.

Подумаешь: чураясь суеты,

Как будто всё ей

наперёд известно.

Усталая, озябшая невеста

Печально смотрит

на гостей из-под фаты.

Художник Михаил НЕХАЙЧИК.
«ВЕСЕННЕЕ СОЛНЦЕ».

Елена
АКШЕВСКАЯ

Я эту боль
пила глотками целыми,
И задыхалась
от бездонной черноты...
А все вокруг
такими были «белыми»,
И, как всегда,
«белее» всех был ты!
Ты вечно прав и твёрд
в своей решимости,
Не разбазариваешь
понапрасну сил,
И так уверен был
в своей непогрешимости,
Что не заметил даже, как убил!
Убил весну
с поющими деревьями,
Что не успели
раньше срока отцвести,
Убил мячу, надежду и доверие,
Убил любовь,
и не сказал «прости»!
А жизни текла вперёд
ручьями шумными,
Лишь я одна не знала,
куда плыть.
А все вокруг
такими были «умными»,
Те, кто не смели
просто так любить.